

Помните песенку из мюзикла «Д'Артаньян и три мушкетера», в которой есть такие беспечные слова: «Щедра к нам, грешникам, земля, а небеса полны угрозы, и что-то там еще, тра-ля-ля-ля, перед грозой так пахнут розы...»? Если верить воспоминаниям очевидца, участника обороны Смоленска 4 и 5 августа 1812 года, обер-квартирмейстера 6-го пехотного корпуса Д. С. Дохтурова Ивана Липранди, элементы беспечности и радости мирной жизни присутствовали и во время кровопролитного Смоленского сражения.

1812 ГОД,

или

Чем пахли розы перед грозой?

Русские офицеры позволяли себе вздремнуть после сытного обеда, скушать мороженого, а кое-кто из высшего руководства даже соблаговолит... натрескаться до пороссячьего визга. Что, впрочем, дорого стоило его соратникам. Правда, пасторальные картины (и аромат роз!) довольно быстро отошли на второй план, уступив место ужасам войны...

Итак, что же происходило 5 августа 1812 года, по свидетельству Липранди?

«Ровно до трех часов битва ограничивалась перестрелкою; изредка со стен Смоленска пускали ядра в неприятеля, когда замечали его скопление. С французской же стороны пушечных выстрелов по городу не было, и потому в нем было все спокойно: трактиры и кондитерские были открыты, ресторация Чапо была полна; мороженую разносили по улицам, и мы с Молоховских ворот посылали за нею.

Дохтуров, отобедав тут же, где сидел, взяв кожаную подушку, лег отдохнуть. Артиллерийский штабс-капитан Синельников, стоявший с 4 орудиями на террасе Молоховских ворот, отыскал какую-то дверь и сделал из нее навес, чтобы оградить от солнца старика. Весь штаб в веселых и самых беспечных разговорах находился тут. Перестрелка в цели ослабла...»

Ненадолго!

«...Город загорелся во многих местах. Завязалась сильная перестрелка. Синельников потерял три комплекта людей. В это самое время неприятельская конница атаковала нашу, стоявшую на левом фланге. Начальник ее, граф С., недолго мог сопротивляться; мертвецки пьяный и упавши с лошади, бросился с драгунами своими в полном беспорядке в Молоховские ворота, потеряв генерал-майора Скалона. Это произвело беспорядок, которого невозможно было уже и исправить впоследствии...»

Я нашел Баркляя-де-Толли на правой стороне Днепра у церкви. Он приказал мне передать генералу Дохтурову следующие слова: «Скажите Дмитрию Сергеевичу, что от его мужества зависит сохранение всей армии и более». Дохтуров, выслушав это, вскрикнул: «Сакермент! Что я один сделаю?»

Город горел; гранаты везде лопались; по всем улицам ядра рикошетировали. Треск от озня, разрушающиеся стены, падающие трубы от ударов ядер, стекла - все на каждом шагу угрожало гибелью; улицы были наполнены таявшими ранеными, их провожали; многие лежали убитыми на улицах, как равни и лошади; беготня и вопли жителей разного пола и возраста...

...У нас убиты: шеф 11-го егерского полка генерал-майор Балла и шеф драгунского полка Скалон - пулями оба в голову. Два часа до света войска очистили Смоленск...»

Смоленск хотели подарить Наполеону как... букет. Букет из роз был с шипами...

Говорили даже (и об этом пишет и Липранди), что по предложению маршала, князя Понятовского, все корпусные начальники французских войск... тайно условились между собою, что, когда будут пить за здоровье Наполеона, чтобы после трех залпов по городу из многочисленных батарей, которые они хотели выставить, вдруг броситься на Смоленск, сорвать его и поднести как букет Наполеону». (Речь идет о событиях 4 августа 1812 года.) Будто бы «это будет самый приятнейший букет, который армия может только поднести Наполеону в день его рождения». Однако есть версия, что Наполеон, узнав про замыслы военачальников, строго запретил их исполнение.

Про трактирщик Симона Чапо и его «хлебосольную ресторацию»

Н. М. Коншин в повести «Граф Обоянский, или Смоленск в 1812 году. Рассказ инвалида» необычайно «вкусно» описывает радушный прием, ожидавший странника в хлебосольном трактире синьора Чапо, поэтично смакуя обеденные радости: «Въезжая в Смоленск чрез Днепровские ворота, прямо поднимаешься в гору; тесная улица идет между старинными, огромными зданиями. На этой улице, по левой стороне, была пред Отечеством войной знаменитая гостиница синьора Чапо. Двухэтажный каменный дом, всегда обсыпанный песочком, издали красовался сбоку, рекомендуясь проходящим. Кто, ведя в Смоленске колючую, солдатскую жизнь, любил вкусно пообедать за собственный счет, тот, без сомнения, уже был знаком с синьором Чапо и, без сомнения, прочитав сии строки, с удовольствием припомнит его сытный стол, его всегдашний винегрет, подправленный так горчицей, что часто срывало кожу с языка; вспомнит его роковые два часа, которые пропустить значило лишиться обеда, а может быть, вспомнит и любимую его поговорицу: «Patti chiari, amicizia lunga!»

Как шумно, как молодо оглашалась некогда полевая столовая синьора звучной и живой беседою нашей молодежи, старых смоленских постояльцев, встретивших гостью-войну под стенами квартир своих! Едва на огромных стальных часах гостиницы стрелка подходила к двум часам, и уже окна белелись султанами и фуражками, и сабли со шпорами гарцевали по комнатам, ожидая рокового звона, все спешили договорить, что есть на душе сухого, дельного; наконец он раздается: синьор является к столу под руку с своею племянницею, скромною подружкой наших обедов, свидетельницею наших

вакханалий, пригоженькой италиянкой с огненными глазками, - больше ничего памятного об ней не осталось...»

Впрочем, как вы уже поняли, ничто не мешало Чапо потчевать русских офицеров и в нелегкую годину. Война войной, а кушать-то (притом обильно и непременно с возлияниями) хочется всегда!

В своих «Записках» Н. М. Коншин вспоминает: «...По возвращении главнокомандующего в

Другой крупной проблемой было... совершенное нежелание русских чиновников работать. Вот почему с «бонапартизмом» в России «не срослось!»

город, нам, ординарцам, была дана свобода до 6 часов вечера. Я отправился обедать к Чапо, знаменитому в то время в Смоленске ресторатору. На другой день в обществе знакомых мне офицеров гвардейской конной артиллерии Захарова, Гельмерсена и барона Раля весело отобедал я в ресторане Чапо и простился с ними навеки. Все они, так же как и Воейков, легли под Бородино.

...Обеды, каких после не выдало, обеды юности, Смоленск двенадцатого года, синьор Чапо - где вы!»

Николай Михайлович с юмором пишет и об изворотливости предприимчивого Симона Ивановича: «Французы не пощадил синьора Чапо так же, как синьор Чапо за несколько дней не пощадил русских. Он наложил на обе армии наши страшную подать, уплатив цену на все свои продукты. Увы, через неделю после он сам попался, как ворона в суп, и с большою половиною денег, вырученных пополам с грехом!»

«Подневольные муниципалы»

Однако Смоленск не только героически защищали (и наслаждение, полученное от вдыхания аромата роз, здесь совершенно ни при чем). Были среди смолян и те, кто был готов смиренно пасть на колени и сдать ключи от города захватчикам! У каждого времени - свои коллаборационисты.

«Общий пожар охватил город. Канопада прекратилась. Мы двинулись вперед и увидели императора; он слез с лошади у ворот города и стоял, окруженный несколькими генералами. Он отдавал приказания, как в это время из города выехали три кареты, направляясь в его сторону. Из карет вышли несколько русских в светло-зеленых мундирах с красным воротником; они держали шляпы в руке и низко кланялись императору. Наполеон поговорил с ними с четверть часа. То были русские гражданские власти, и в их главе уездный предводитель

дворянства. Они, как говорили, поднесли ключи города, объявляя, что армия русская выступила вон из города. Предавая его в руки императора, они умоляли Наполеона приказать подать помощь тысячам раненых, разбросанных по городу, и затем возвратились в город».

«Записки Де-Ла-Флиза. Поход Наполеона в Россию в 1812 году».

Интендантом - главной фигурой управления - Наполеон назначил генерала Армана Шарля Виллебланша. Были также учреждены городской муниципалитет и верховная комиссия, которая должна была ведать продовольствием. В нее входили: помещик Голынский, Фурсо-Жиркевич и Санко-Лешевич. Распоряжения отдавались следующим образом: по предписаниям интенданта члены верховной комиссии давали задания комиссарам о заготовках провианта для армии, разработке сведений о помещиках и их крестьянах, высылке людей из Смоленска.

Муниципалитет обладал некоторой самостоятельностью. Он состоял из 10 членов и 30 различных чиновников-помощников (переводчики, казначеи, писцы, комиссары для поручений). Это были, как их метко назвал один из исследователей, «подневольные муниципалы».

Историк Никифор Мурзакевич вспоминает: «12 августа Виллебланш назначил титулярного советника Михаила Ярославцева мэром города, главным секретарем - гимназического учителя Ефремова, зятя протопопа о. Поликарпа Зверева, членами - Рутковского, трактирщика Чапо, купца Бруна, Узелкова, Рагулина, Великанова и др.»

Правительство города разместило в здании бывшего городского магистрата (у церкви Одигитрии). Одигитриевская церковь располагалась на пересечении улиц Большая и Малая Одигитриевские (ныне - улица Докучаева и часть улицы Ленина). (Кстати, Одигитриевская церковь, очень сильно пострадавшая во время Великой Отечественной, стала последней из снесенных при советской власти церквей в Смоленске в начале 1960-х годов...)

Муниципалитет обязывал жителей на работы по поддержанию чистоты и порядка в городе, по доставке фуража, ремонту мельниц и т. п. «Без особых ордеров муниципалитет: в случае жалоб помещиков и их управляющих на грабительство французских, слушание крестьян представлял интенданту о назначении по уезду комиссаров для пресечения грабительства и усмирения, требуя для этого охранных команд; по прошениям казенных крестьян, жаловавшихся на свое разорение, представлял интенданту, который разрешал крестьянам снять с полей уехавших помещиков хлеб,

но пользоваться только четвертым снопом...».

При этом интендант, приняв во внимание, «что чиновники муниципалитета не имеют ни одежды, ни обуви и без пропитания», назначил выдать им от 15 до 200 франков!

Еще один интересный нюанс: ведь это именно мэром Ярославцев «выдал казначею, итальянцу Чапо, приходно-расходную книгу за своей подписью, и сам в черновой тетради вел записи как прихода денег, получаемых за наем лавок и домов, так и расхода их!»

Впоследствии, не дожидаясь судебного решения комиссии, расследовавшей деяния «подневольных муниципалов», бывший мэром Ярославцев застрелился...

«Никто из русских чиновников не трудится с усердием!»

Понятное дело, что основной задачей «подневольных муниципалов» оставалась заготовка провианта. Но французы не учли, что в России, в отличие от Европы, нет налаженной разветвленной структуры внутреннего рынка, что здесь преобладала «ярмарочная» система, характерная для доиндустриальной эпохи. Другой крупной проблемой было... совершенное нежелание русских чиновников работать. Вот почему с «бонапартизмом» в России «не срослось!»

И вот какие записки вынужден был посылать интендант Виллебланш муниципалам: «Я просил вас, г. мэра, продолжать заседания до 2 часов. Я посылаю в муниципалитет в час, а там не было даже приказного».

27 сентября: «Государь мой! Сего утра в начале 9 часа не находилось в муниципалитете ни одного из членов, даже самого мэра. Никто не трудится с усердием».

Лень чиновников была вознаграждена всепрощающим государем стoriей: «30 августа 1814 года последовал Высочайший манифест о даровании всем впадшим в преступления волею и от принуждения врагов прощения и о восстановлении таковых лиц в прежних должностях, какия они занимали до впадения в вину, а дела о них предать забвению...».

Грачев В. И. «Смоленск и его губерния в 1812 году», 1912 год.

А что же приспомятанный непотопляемый трактирщик Симон Чапо? Н. М. Коншин уверяет, что дело его ширилось и процветало по-прежнему. «В настоящее время (7 апреля 1813 года) знаменитая гостиница восставала уже как феникс из пепла; она снова оглашалась октавным басом своего деспота; его овальная фигура, обстегнутая в белый канифасовый чехол, снова заходила по подвалам дома с розатою связкою ключей; опять в 2 часа садился у него за стол, и опять возобновил он с резервами нашими на время оставленную поговорицу: «Patti chiari, amicizia lunga...».

Подготовила Анастасия ПЕТРАКОВА.